

Этот день был полон сюрпризов.

- Ты никогда раньше о ней не упоминал. Ты всегда говорил только о своих родителях, даже слишком много...

Он закрыл глаза, и воспоминания нахлынули на него.

- Потому что она мертва.

Энни подошла немного ближе.

- Мне жаль, - даже она сама удивилась серьёзности своих слов.

Он сидел, прислонившись к стволу дерева, и вертел в руках нож. Парень не знал, что побудило его заговорить об этом. Вероятно, что-то, что он хотел снять со своей груди.

- Мне было четыре года, когда это случилось. Мама сказала мне, что я стану старшим братом, и я был очень взволнован.

Энни стояла там, тихо слушая.

Он усмехнулся.

- Мама стала достаточно большой, так что, когда я обнимал ее за живот, это было всё равно, что обнимать и сестру. Я говорил ей, как нам будет весело, и мне не терпелось увидеть ее. Иногда я чувствовал, как она брыкается, как будто она тоже была взволнована.

Его голос начал дрожать.

- Я надеюсь, она меня услышала. Я надеюсь, она знала, как сильно я ее любил.

У Энни было такое чувство, что она знала, к чему это приведёт.

- Когда настал тот день, я пошел в больницу. Я просидел в комнате ожидания несколько часов, но мне было не по себе. Я был взвинчен, взволнован... она должна была появиться.

По его лицу потекли слезы.

- Но что-то пошло не так, и... она родилась мертвой.

Энни склонила голову. Она знала, что нечто подобное могло случиться, но, представив, насколько были опустошены Диллон с его родителями, ей стало еще хуже.

- Мне жаль.

- Я не мог найти этому объяснения. Я не мог понять, что пошло не так, - продолжал он. - Я никогда не забуду, о чем я спросил маму, как только смог поговорить об этом.

Он заколебался, вспоминая тот день, как будто это было вчера, как он делал каждый божий год.

“Я обнял ее слишком крепко?”

Энни вздохнула, придвигаясь ближе к Диллону.

- Это так не работает. В теле что-то происходит. Мир – жестокое, безразличное место. А люди? Мы просто идиоты, которые пытаются найти в этом смысл. Но это была не твоя вина.

- Я знаю... но это всё равно тяжело. Я так сильно скучаю по Эвелин, и хотел бы я знать ее получше.

Он смахнул слезы и начал вставать.

- Прости, мне не следовало беспокоить тебя этим.

- Ничего, - это казалось правильным.

Это было то, что говорили скорбящему.

Он вздохнул, убирая нож.

- Я видел, как Эрен обращался с Микасой, когда она пыталась сохранить жизнь единственному оставшемуся у нее родственнику, и было отвратительно, что он не видел, как причиняет боль своей собственной сестре. Наверное, я начал задаваться вопросом, если Эвелин была бы жива, подумала бы она обо мне так...

- Может быть. Ты, вероятно, был бы из тех, кто защищает.

Энни не видела смысла в "что, если", но Диллон, похоже, хотел пойти по этому пути.

- Но не все такие тупые, как Эрен.

- И то правда.

Он уставился на сделанную им гравюру.

- Каждый раз, когда наступает этот день, мне больно. Я пытаюсь выбросить это из головы, разговаривая с Эвелин наедине, рассказывая ей обо всём, что происходило. Я делаю гравюры в тех местах, которые, как мне кажется, понравились бы ей. Иногда это помогает.

- У меня бывают такие дни.

Он удивлённо посмотрел на нее.

- В самом деле?

Энни побледнела. Она не могла поверить, что проговорила.

- Д-да.

Диллон заметил, как неловко она выглядит, и отступил.

- Прости. Я не буду совать нос в чужие дела, если ты этого не хочешь.

Энни сначала не ответила ему. Она просто протянула руку вперед и провела по букве «Э».

- Энни?

Энни вздрогнула от этого звука, поняв, что погрузилась в свои мысли в самый неподходящий момент.

- Прости... ты тоже кого-то потеряла?

Он не решался спросить, надеясь, что она не набросится на него за это.

- Ее имя тоже начиналось на "Э".

- Сестра? - спросил я.

- Мама. Моя мать. Эмма Леонхарт.

- Красивое имя, - тихо сказал он. - Ты знала ее?

Она на мгновение закрыла глаза, вспоминая прошлое.

- Какое-то время, даже достаточно долго. Она была моим героем.

Он не смог удержаться от легкой улыбки. Парень знал о том, что означало иметь мать-героиню.

- Она умерла шесть лет назад.

- Мне жаль.

Она не повернулась к нему лицом.

- Мне тоже.

- Какой она была? - спросил Диллон.

- Сварливая, страстная, полная надежд, оптимистичная и решительная... она была хорошей. Даже люди, которые хотели ненавидеть ее, любили маму. Это не мешало ей искать ссор везде, где только можно. Но она ни на мгновение не усомнилась в своей правоте. Я всего лишь одна из них.

- Них?

- Ворчливых, - сказала Энни, поворачиваясь к нему с грустной улыбкой.

- Ты также страстная и решительная, - сказал он ей. - Я видел это, когда ты пыталась убить меня.

Энни пожала плечами.

- Мне просто было скучно.

- Я видел это по твоим глазам, Энни. Там была страсть, когда мы дрались, и решимость победить меня, когда я контратаковал.

При этих словах Энни стала выглядеть немного более живой.

- Тогда это была драка. Я всегда так делаю... - она замолчала. - Как и мама.

- Теперь у тебя есть три вещи, - сказал он.

Энни на мгновение отвела взгляд.

- Я никогда... спасибо тебе.

Диллон понятия не имел, что его подтолкнуло. Он был застигнут врасплох – вот наиболее вероятный ответ. Было очевидно, что у него пропало чувство самосохранения. Иначе он не обнял бы ее так крепко.

Энни напряглась от этого прикосновения, и ее глаза расширились. Она вообще не привыкла к такого рода контактам. Однако она начала немного расслабляться, зная, что он достаточно заботится о ней, чтобы сделать это для нее.

- У меня есть одно предположение, какой могла бы быть Ева.

- Что?

Энни обхватила парня руками, удивив его.

- Один из немногих людей, с которыми я хотела бы встретиться.

Он мягко улыбнулся, положив свою руку поверх ее. Ее волосы были приятными на ощупь, но комфорт в них был намного лучше. Где бы ни была Эвелин, он надеялся, что она будет счастлива, зная, что у нее будет кто-то еще, кто станет ей отличным другом.

С того момента прошло несколько дней, и Диллон вернулся к своему обычному состоянию, как будто ничего не случилось. Когда Жан спросил его о том, что происходит, он только сказал, что это личное дело, о котором он не хотел говорить. Хотя парень и опустил эту тему, у него действительно была небольшая проблема с ним.

- Итак, что, чёрт возьми, происходит между тобой и Эреном? – спросил он.

- Мы пришли к взаимопониманию, - ответил Диллон. – Не совсем лучший из вариантов, но это начало.

Жан вздохнул.

- Значит, мое веселье закончилось на том, как ты расправился с ним.

- Нравится тебе это или нет, но мы в одной команде, однако не волнуйся, - он похлопал его по плечу. – Теперь он весь твой.

- Очень смешно.

Однако больше всего тот день затронул Микасу. Она никогда не переставала думать о том, что сказал ей Диллон, о его тревогах. Как обычно, Микаса следовала за Эреном в течение этих нескольких дней, прокручивая всё в уме. В конце концов, она даже неосознанно решила заговорить с Эреном. Эти слова просто сорвались с ее губ однажды, когда они вместе подметали оружейный склад.

- Эрен.

Она подметала веником ровными взмахами.

- Да? – спросил он, на самом деле не обращая внимания.

- Думаешь, я сильно тебя беспокою?

Это остановило его, и он медленно повернулся к ней лицом.

- Что?

Возможно, это было слишком прямолинейно.

- Я тебе не мешаю?

- Откуда, чёрт возьми, это взялось?

- Не бери в голову, - рефлексивно сказала Микаса.

На мгновение они оба погрузились в неловкое молчание, но Эрен решил вскоре нарушить его.

- Ты обращаешься со мной как с маленьким ребенком, как будто я ничего не могу сделать сам.

- Я просто пытаюсь уберечь тебя.

- С помощью чего? Постоянного подавления?

- Эрен? - Микаса выглядела ошеломленной. - Это не то, что я пытаюсь сделать. Никогда.

- И все же ты делаешь это, - прорычал он, сжимая свой веник так сильно, что, казалось, будто он вот-вот сломается, - я ввязываюсь в драку, и ты всегда рядом, чтобы спасти положение. Не дай бог, я действительно позабочусь о чем-то сам.

- Я не сомневаюсь в тебе, Эрен. Просто так много вещей могут пойти не так. Один удар, один пинок, одна ошибка, и кто-нибудь мог бы...

Возможно, она не помогала делу.

Его глаза сузились.

- Ну, ты же не видишь, что я беспокоюсь о тебе. Идеальная. Стоишь сотни солдат, когда еще даже не закончила обучение. Тебе даже не нужно стараться быть хорошей во всём.

Микаса прижала веник к груди, эти слова сильно задели ее.

- Это не моя вина.

- Но ты не даешь мне встать, потому что хочешь постоянно быть рядом, чтобы защитить меня от каждой глупости, - бушевал он.

- Эрен, ты так далеко продвинулся в своем обучении, - заверила она, пытаясь успокоить его. - Ты уже сделал это.

- И я мог бы продвинуться дальше, если бы ты перестала притворяться моей матерью, чёрт возьми! - воскликнул он, швыряя веник в стену. - Она ушла, ясно? Мне не нужно, чтобы ты пыталась занять ее место!

Тишина между ними была оглушительной, и только тяжелое дыхание Эрена нарушало ее. Так много гнева и обиды накопилось за последние несколько лет. Он действительно так на нее смотрел. Что касалось Микасы, то это тоже самое, что и получить пулю в грудь. Все ее усилия шли на помощь Эрону, его защиту, а он плюнул ей в лицо.

Микаса что-то пробормотала себе под нос, ее волосы закрывали глаза.

- Что? – спросил он. – Просто выкладывай уже.

- Я тоже потеряла Карлу! – крикнула Микаса, отбрасывая веник в сторону.

Слова эхом отдались в пустой оружейной и заставили его отшатнуться. Прошло довольно много времени с тех пор, как она кричала. Хотя ее голос стал мягче, ее слова произвели не меньшее впечатление.

- Она тоже была моей матерью. Моей семьей. Моих мамы и папы больше нет. Карлы больше нет. Ты – всё, что у меня осталось.

Эрен не понимал, как всё к этому пришло.

- Микаса...

- А что, если с тобой тоже что-нибудь случится? – спросила она.

Он отчаянно попытался спасти ситуацию.

- Микаса, ничего не...

Эрен только усилил ее гнев, и Микаса приблизилась к нему настолько, что они оказались нос к носу.

- Люди говорили, что стены защитят от титанов, но это не так. Ханнес сказал, что собирается защитить нас, но он этого не сделал, и у него была вся подготовка, которую мы получаем. Мои родители сказали, что всегда будут рядом со мной, но нет, их убили. Карла приняла меня как свою дочь, она пообещала мне то же самое, что и мои родители, и в тот раз я в это поверила. Всякое случается!

Она просто продолжала, произнося за раз больше слов, чем поделилась со всеми остальными за последние несколько дней.

- Мне и так пришлось взрослеть быстрее, чем следовало бы, и тебе тоже. Ты хочешь этого так сильно, что рискуешь собой, последним человеком, который у меня остался. Я не могу горевать и по тебе, просто не могу!

Микаса схватила его за воротник, чтобы он мог видеть ее глаза. В них было не так много гнева, как горя, которых она никогда по-настоящему не показывала.

- Они говорят нам каждый день на тренировках: «Вы не можете всё делать сами». Вы просто не можете. Ты – часть команды. Мы – команда. Мы были вместе с того дня, как ты спас меня. Ты спас мою жизнь, и я сделаю всё, чтобы сохранить ее, Эрен. Ты – всё, что у меня осталось.

Слезы потекли по ее лицу, когда она начала ломаться, как это было, когда они впервые встретились.

- Они все умерли.

Эрен не знал, что сказать на всё это. Он никогда по-настоящему не уделял времени тому, чтобы подумать о том, через что она проходит. Конечно, он и его родители были рядом, когда она потеряла своих родителей, но после того, как Шиганшина пала, и его мать умерла...

насколько одинокой он заставлял ее чувствовать себя?

Он почувствовал себя хуже, чем когда-либо за всю свою жизнь, и это была его вина. Парень не мог больше этого выносить и обнял Микасу так крепко, как только мог.

- Прости, Микаса, - прошептал он. - Мне так жаль.

- Я должна оберегать тебя, Эрен, - объятия Микасы стали еще крепче, когда рыдания сотрясли ее тело. - Вот почему я тоже должна продолжать становиться лучше.

- Я просто... чёрт возьми.

Они опустились на землю.

- Я так сильно по ним скучаю.

- Я тоже.

- Эти чёртовы титаны. Они все заслуживают смерти, - сердито прорычал он, и слезы потекли по его лицу. - Я хочу отомстить!

- Эрен, месть не может быть осуществлена ценой потери тебя. Не для меня.

- Тогда что мне прикажешь делать? Какой в этом смысл?

- Я не могу сказать тебе, как обрести покой со всем этим.

- Покой? - тихо спросил он. - Я не могу найти его, Микаса. Его не существует. Я... я никогда не освобожусь от этого.

Микаса ничего не сказала, пока они обнимали друг друга. Это было не то, что можно было исправить. По крайней мере, не в течение длительного времени. Они были слишком сломлены, слишком разозлены, чтобы попытаться жить дальше после боли, которую причинили им титаны. Но в кои-то веки они почувствовали себя ближе друг к другу, чем когда-либо за долгое время.

<http://tl.rulate.ru/book/88012/2884288>